

Бай Цзиньжун вошла следом за Линь Дунцин. Сначала она хотела ее остановить, но, сообразив, что перед ней та самая дурочка, которая неотступно следует за Второй госпожой, удержала пыл — в конце концов, никто не осмеливался преграждать путь людям Второй госпожи.

Заметив, что Линь Дунцин выглядит из рук вон плохо, Бай Цзиньжун в паре шагов от нее впопыхах протянула ей чашку чаю, но тут ее ногу обо что-то зацепило. Чашка выскользнула из рук и со звоном разбилась о пол.

— Растяпа, — внезапно подал голос Е Чжицю. — Подай Второй госпоже чаю.

Тао Жань тут же взяла стоявшей рядом чайник, налила чаю и протянула Линь Дунцин. Та сделала глоток, перевела дыхание, чтобы заглушить подступавший во рту привкус крови, обвела взглядом комнату и усмехнулась:

— Сегодня вся семья Линь в сборе...

Не успела она договорить, как лицо Линь Дунцин исказилось. Ее вырвало фонтаном крови, забрызгавшей алыми точками подол платья Бай Цзиньжун.

— Яд... — губы Линь Дунцин посинели, и она гневно прокричала: — В чае яд!

Тао Жань от испуга выронила чайник и рухнула на колени:

— Рабыня не смела! Это не я!

При уровне боевых искусств Линь Дунцин пустяковый яд не мог причинить ей вреда, но удар Ладонью Чистого Ветра от Цан Лана в сочетании со старыми ранами привели к хаосу в ци и полному истощению сил. Она оказалась не в состоянии противостоять яду — ее конечности ослабли, и тело забилося в крупной дрожи.

— Старший брат, ты решил отравить меня и сжить со свету?! — Линь Дунцин уставилась на него налитыми кровью глазами. — Ты же обещал отдать мне сестрицу Чжицю, и только поэтому я шла на смертный бой, а ты посмел отравить меня!

— Н-нет, не я, — побледнев, пролепетал Линь Цзяньхэн. — Скорее... скорее позовите лекаря!

Линь Хуаньюнь неторопливо подошел к Линь Цзяньхэну, замахнулся и отвесил ему звонкую пощечину, яростно выругавшись:

— И ты еще носишь звание главы виллы! Ради победы в поединке ты не погнушался пойти на столь гнусное, бесчестное дело! Семья Линь стыдится тебя!

— Третий дядя, Третий дядя! С моими силами мне не одолеть Цан Лана, — беспомощно глядя на него, взмолился Линь Цзяньхэн. — У... у меня не было выбора!

Линь Хуаньюнь бросил взгляд на распростертую на полу Линь Дунцин. Яд уже вовсю гулял по меридианам, разгоняя остатки ее внутренней энергии, и он лишь тяжело вздохнул:

— Какая жалость, прекрасный был росток.

Дыхание Линь Дунцин стало едва уловимым, лицо почернело — казалось, теперь ее не спасет даже небожитель.

— Цзяньхэн, покончи с этим, — холодно произнес Линь Хуаньюнь. — Травит людей лишь бабье отребье. Если хочешь стать по-настоящему безжалостным главой Виллы Пересекающихся Мечей, убей ее собственными руками.

Услышав это, Бай Цзиньжун тут же бросилась к Линь Дунцин и, слабо раскинув руки, заслонила ее:

— Что вы задумали?! Она же Вторая госпожа!

— Нет, — покачал головой Линь Цзяньхэн. — Третий дядя, она моя сестра, я не могу.

На губах Линь Хуаньюнь промелькнула презрительная усмешка:

— Какая она тебе сестра? Всего лишь ублюдочное семя, рожденное какой-то блудницей из вешалки!

Окинув взглядом собравшихся в зале кровных родственников семьи Линь, Линь Хуаньюнь решил больше ничего не скрывать и глухим голосом произнес:

— Рассказы о том, что она — дочь старшего брата, были лишь прикрытием.

— В год, когда тебе исполнилось шестнадцать, старший брат заметил, что у тебя самые заурядные способности и в боевых искусствах тебе не достичь высот. Тогда он покинул виллу и больше года рыскал по округе, пока наконец не отыскал этого ребенка, — продолжал Линь Хуаньюнь.

— Девочка родилась от связи одумавшейся куртизанки и простого пахаря. Два самых ничтожных человека на свет произвели на свет невероятного вундеркинда с чистейшими природными задатками. Не прошло и трех месяцев с ее пяти или шести лет, как она постигла две-три десятые Метода Меча Семьи Линь.

Линь Хуаньюнь понизил голос:

— Чтобы пустить пыль в глаза посторонним и заставить девчонку верой и правдой служить самым острым клинком семьи Линь...

— Старый глава виллы объявил, что в помутнении рассудка прижил ребенка с продажной женщиной, и привез ее на воспитание в обитель меча.

— Какая она тебе сестра? Она всего лишь ничтожный выродок! — презрительно бросил Линь Хуаньюнь. — То, что она все эти годы пользовалась защитой семьи Линь и купалась в роскоши, уже величайшее благословение в ее жизни, иначе давным-давно сгинула бы в каком-нибудь борделе.

Линь Цзяньхэн остолбенел. Он посмотрел на старших членов клана — те сидели с совершенно безразличными лицами, словно им все было давным-давно известно.

Единственными не посвященными в тайну оставались он сам, Линь Дунцин и Е Чжицю.

Линь Дунцин чуть приоткрыла глаза, изо рта ее сочилась черная кровь, и она с трудом издала презрительный смешок.

— Третий дядя, раз уж она отравлена и жить ей осталось недолго... — неуверенно начал Линь Цзяньхэн, но тут же получил новую затрещину от Линь Хуаньюнь.

— Забыл, что я тебе говорил? Ты слишком мягок! Пока в тебе нет бесстрашия и дерзости, тебе никогда постичь Метод Меча Семьи Линь!

Линь Хуаньюнь в упор посмотрел на него:

— Она теперь знает, что не принадлежит к роду Линь, и знает, что ты ее отравил. Если она выживет, то все вокруг узнают, что она заменила тебя на поединке.

— Усидишь ли ты после этого в кресле главы виллы? — с досадой процедил Линь Хуаньюнь. — Если бы среди молодого поколения нашего клана не осталось тебя одного-единственного, неужели ты думаешь, что старейшины позволили бы тебе и дальше занимать это место?!

Линь Цзяньхэн вытащил из ножен меч и медленно двинулся к Линь Дунцин. Руки его дрожали, лицо покрылось градом пота, а в голове звучал один голос: убей ее, и Чжицю останется твоей, а все тайны сгинут вместе с ее смертью.

Кончик меча опустился. Линь Цзяньхэн безвольно опустил голову, всем телом сотрясаясь от дрожи:

— Я... я не могу.

Линь Хуаньюнь подошел к Линь Дунцин, слегка наклонился и шепотом — так, чтобы слышали только она и Линь Цзяньхэн — произнес:

— Чтобы не оставлять хвостов, старший брат вырезал всю ее семью.

— Ее приемные родители и старики-родители мертвы, — Линь Хуаньюнь проследил за тем, как глаза Линь Дунцин мгновенно наливаются кровью, и перевел взгляд на Линь Цзяньхэна. — Она перебьет всех людей в доме Линь. Ты все еще хочешь оставить ее в живых?

Линь Цзяньхэн издал сдавленный крик и бросился вперед с мечом. Бай Цзиньжун ринулась навстречу, обхватила его за талию и попыталась оттащить в сторону, отчаянно думая про себя: ну вот, конец, сейчас расстанутся с жизнью.

Со свистом рассекая воздух, что-то промелькнуло у самого уха Бай Цзиньжуна. Вспыхнул белый свет, и тело Линь Цзяньхэна, которого она обнимала, вдруг обмякло. Он рухнул на землю, забрызгав Бай Цзиньжуна кровью.

Опираясь на меч, Линь Дунцин медленно поднялась на ноги. По лезвию капала кровь; лежавшему у ее ног Линь Цзяньхэну перерезали горло, откуда фонтаном била багровая жидкость. Увидав это, Е Чжицю закатила глаза и замертво рухнула в обморок.

— Ты притворялась мертвой?! — в глазах Линь Хуаньюнь промелькнул животный ужас, и он, опираясь на трость, начал пятиться назад.

— Если бы не притворилась, разве узнала бы, кто меня отравил и кто так жаждет моей смерти? — Линь Дунцин выплюнула сгусток черной крови и слабо усмехнулась. — Какая ирония. Столько лет жить в дураках и верить этому фарсу — просто смешно.

Линь Хуаньюнь открыл рот, но вымолвить уже ничего не успел: Линь Дунцин перерезала ему горло.

Кровь залила весь пол. Линь Дунцин скосила глаза на сидевших в креслах старейшин, которые тряслись от страха, и тихонько рассмеялась:

— Линь Хуаньюнь вырезал мою семью, но сегодня я, Линь Дунцин, отплачу той же монетой и вырежу всю его семью.

Зал был залит кровью. Линь Дунцин медленно подошла к Е Чжицю, бросила взгляд на стоявшую на коленях Тао Жань и приказала глухим голосом:

— С этой ночи я — глава Виллы Пересекающихся Мечей.

— Госпожа, клянусь, это не я подсыпала яд! — запричитала Тао Жань, ударяясь лбом о пол.

— Ты умна. Возьми надежных людей и убери здесь все так, чтобы блестело чистотой. Сделаешь хоть малейшую оплошность — больше никогда не вернешься к своей хозяйке.

Подхватив на руки Е Чжицю, Линь Дунцин медленно зашагала прочь.

Бай Цзиньжун распростерлась в луже крови, шевеля губами и скрежеща зубами от злости: Линь Дунцин, ты ослепла на оба глаза?!

Это же я спасла тебе жизнь ценой собственной, а ты утащила на руках Е Чжицю?!

Ну ты просто слепая курица, слепая наглухо!

Понимая, что Бай Цзиньжун та еще дурочка, Линь Дунцин спихнула все распоряжения на Тао Жань. Но та от пережитого ужаса совсем растерялась, так что в итоге всю грязную работу по уборке трупов пришлось выполнять суетящейся везде Бай Цзиньжун.

Напоследок она бросила наружу фразу:

— Прошлой ночью в виллу проникли убийцы, погибло немало людей.

Линь Дунцин поступила еще подлее: она во всеуслышание объявила, что Секта Десяти Тысяч Мечей воспользовалась поводом поединка и подослала людей на Виллу Пересекающихся Мечей, чтобы перебить нескольких старейшин.

А ее старший брат Линь Цзяньхэн, будучи раненым, не смог противостоять врагам и пал от их мечей.

Цан Лан утерся горькой слюной — весь цзянху принялся клеймить Секту Десяти Тысяч Мечей за бесчестье. Старик от злости хлопал глазами и щелкал усами, едва не сорвавшись в тот же день на Виллу Пересекающихся Мечей за восстановлением справедливости.

Но Линь Дунцин пригрозила ему годовым договором, обвинив в вероломстве и спросив, неужели тот намерен прослыть бесчестным старым хрычом. Это так разозлило Цан Лана, что ему пришлось проглотить эту горькую пилюлю.

Впрочем, когда слухи разошлись по боевым искусствам, хоть за сектой и закрепилась дурная слава, но способность одолеть главу Виллы Пересекающихся Мечей и перебить столько старейшин внушила остальным сектам такой страх, что связываться с Сектой Десяти Тысяч

Мечей больше никто не смел.

Только после этого Цан Лан немного успокоился.

А Линь Дунцин вполне законно вступила в должность главы Виллы Пересекающихся Мечей.

Третья жизнь

Те немногие ученики, главы ветвей и чужаки, что пытались бросить ей вызов или выразить несогласие, были один за другим повержены ею до полного повиновения. Никто больше не смел произнести и слова против, втайне содрогаясь от мысли, что боевые искусства этой Второй госпожи ничуть не уступают мастерству самого главы.

Яд в ее организме нейтрализовался спустя три дня: отравы сама по себе была не столь смертоносной, но наложилась на ранения Линь Дунцин, и стоило внутренней энергии восстановиться, как тело само вытолкнуло ее наружу.

Когда Е Чжицю очнулась и увидела сидевшую у изголовья Линь Дунцин, она тут же вlepила ей пощечину.

Линь Дунцин стерпела удар и даже послушно подставила вторую щеку со словами: лишь бы та была довольна.

Бай Цзиньжун, наблюдая за этим со стороны, лишь кривила губы: на сей раз одержимость пустила корни так глубоко, что их уже не вырвать с мячом.

Если задуматься, в предыдущих двух жизнях ей удавалось усмирить дурные помыслы Линь Дунцин лишь потому, что та была влюблена в нее.

Но стоило Линь Дунцин остыть, как искоренить ее одержимость стало труднее, чем достать луну с неба.

В конце концов, я вовсе не просветленный монах, способный спасти заблудшие души, — подперев щеку рукой, Бай Цзиньжун тяжело вздохнула, глядя, как Линь Дунцин с сияющим лицом и отпечатком ладони на щеке распоряжается, чтобы слуги сварили для Е Чжицю успокаивающий отвар для восстановления сил.

Принесенное лекарство Е Чжицю тут же швырнула на пол. Линь Дунцин велела сварить новое и снова отнесла в комнату.

Все лучшее на небесах и на земле свозилось сюда, чтобы хоть немного порадовать Е Чжицю. Линь Дунцин целыми днями вилась вокруг нее волчком, и прогнать ее было невозможно.

С того дня Е Чжицю ходила чернее тучи, то и дело украдкой утирая слезы, а пару раз даже пыталась наложить на себя руки, но оба раза ее вовремя спасали.

Линь Дунцин вышла из себя и приказала Бай Цзиньжун неотлучно дежурить у дверей — день и ночь следить за пленницей. Тао Жань она больше не доверяла, решив, что эта дура Бай Цзиньжун временами приносит куда больше пользы, чем собака.

Лениво развалившись в кресле, Бай Цзиньжун разглядывала Е Чжицю: та облачена в лучшие шелка, питается редчайшими деликатесами, вокруг суетятся служанки, а на лице все равно тоска смертная.

Эх, мне бы такую жизнь! — подумала Бай Цзиньжун, заталкивая в рот пирожное. — Видимо, у меня судьба беднячки.

Дверь отворилась, и вошла Линь Дунцин. На голове и плечах ее оседал снег — наступил первый снежный месяц, а поскольку Вилла Пересекающихся Мечей располагалась в горах, зима здесь наступала рано.

Она зябко куталась, отдувалась и потирала озябшие руки. В комнате топились подземные печи кан, источая густое тепло. Бай Цзиньжун клевала носом, подперев голову рукой, пока Тао Жань поспешно бросилась помогать госпоже снимать тяжелую шубу.

Линь Дунцин капризно пинула Бай Цзиньжун в ногу:

— Принеси горячего чая.

Бай Цзиньжун сонно зевнула и лениво поплелась к выходу, поймав на себе грозный, предостерегающий взгляд: велела же следить за человеком, а ты среди бела дня дрыхнешь!

Покопавшись за пазухой, Линь Дунцин извлекла матерчатый сверток в несколько слоев, развернула его, а внутри оказалась бумага с масляными пятнами. Бережно раскрыв ее, она продемонстрировала несколько кунжутных лепешек:

— Я знаю, ты любишь выпечку старого Чжоу, поэтому специально съездила за ними. Боялась, что остынут и потеряют вкус, вот и бежала всю дорогу без остановок, — с улыбкой протянула Линь Дунцин Е Чжицю. — Сестрица Чжицю, отведай.

Е Чжицю отвернулась к окну и не издала ни звука.

Тогда Линь Дунцин взяла ее за руку и вложила лепешку в ладонь. Е Чжицю судорожно дернулась, отдернула руку и отложила выпечку в сторону:

— У меня нет аппетита.

— Без аппетита нельзя, ты совсем исхудала, — Линь Дунцин опустилась на корточки рядом с ней и заглянула снизу вверх в лицо: — Я знаю, ты ненавидишь меня, обижаешься. Если моя смерть принесет тебе облегчение, можешь убить меня.

Бай Цзиньжун, вошедшая с подносом чая, настороженно уставилась на Е Чжицю: только попробуй умереть, из-за этого ведь придется все начинать сначала!

— Ты же знаешь, я не стану, — с горечью произнесла Е Чжицю. — Но и не прощу тебя.

Бай Цзиньжун не выдержала:

— Это ведь глава виллы первая покушалась на жизнь Второй госпожи, так что та просто защищалась. По-моему, она сама напросилась!

Стоило словам сорваться с языка, как Бай Цзиньжун мысленно прикусила себе язык: с какой стати она защищает Линь Дунцин? Разве не сейчас самое время подлить масла в огонь и рассорить их?

Чем сильнее Е Чжицю ненавидит Линь Дунцин, тем проще разрушить эту одержимость.

— Впрочем, Вторая госпожа тоже поступила слишком жестоко, не обязательно было лишать человека жизни, — потирая подбородок, протянула она.

— Вон отсюда! — перекосилось лицо Линь Дунцин, и она злобно зашипела: — Без приказа не смей заходить!

Е Чжицю, с покрасневшими глазами отвернувшись к окну, безмолвно роняла слезы, оставляя все попытки Линь Дунцин успокоить ее без ответа — она упорно не смотрела на нее и не произносила ни слова.

Прошел месяц. Линь Дунцин ежедневно навещала Е Чжицю, но та оставалась ледяной и непреклонной — ни слова, ни взгляда.

Бай Цзиньжун втайне восхищалась несгибаемым упорством Линь Дунцин: сколько бы стен она ни пробивала лбом, каждый день она находила какие-то диковинки или горные лакомства, неся их Е Чжицю в отчаянной попытке растопить ее сердце.

В тот день Бай Цзиньжун прислонилась к косяку, задремав, как вдруг услышала, что Е Чжицю зовет ее по имени.

Бай Цзиньжун поленилась отзываться и продолжила делать вид, что спит.

— Уснула? — Е Чжицю переглянулась с Тао Жань. Та бесшумно подошла, потрясла Бай Цзиньжун за плечо и, не дождавшись реакции, кивнула: — К счастью, она та еще соня.

Е Чжицю с облегчением выдохнула и, утирая слезы, вцепилась в руку Тао Жань:

— Я больше не могу здесь оставаться. Я хочу уйти с горы, хочу вернуться в дом Е.

Заливаясь горькими слезами, Е Чжицю всхлипывала:

— Каждую ночь во сне я вижу мужа — всего в крови, и Линь Дунцин с мечом, готовую зарубить его.

— Тсс, госпожа, нельзя же такое говорить! — испуганно замахала руками Тао Жань. — Услышат чужие уши.

— Я боюсь ее, я не могу больше оставаться рядом с ней! Тао Жань, проводи меня с горы, умоляю!

Тао Жань разжала пальцы, рухнула на колени и задрожала всем телом:

— Госпожа, если глава узнает, что я помогла вам сбежать, она непременно убьет меня!

— Тао Жань, сейчас кроме тебя у меня никого не осталось, помоги мне! — дрожала Е Чжицю.
— Если я останусь здесь, я умру.

Тао Жань тряслась от страха:

— Мало того, что выхода нет, так кругом люди главы, да еще эта девка у входа круглые сутки глаз не спускает с госпожи! Как тут сбежать-то?

Она легонько похлопала Е Чжицю по руке:

— Госпожа, глава ведь так добра к вам, к чему ее злить? Вы же знаете, если вы уйдете, она сойдет с ума.

Приоткрыв один глаз, Бай Цзиньжун прислушивалась к разговору, стоя у дверей, и находила этот план весьма здравым.

Если отправить Е Чжицю подальше так, чтобы Линь Дунцин больше никогда ее не видела, разве эта одержимость не растворится сама собой?

Главная ловушка любой одержимости — это попытка поймать луну в воде: ты видишь ее, но не можешь достать.

А раз не видишь, то и обладание теряет всякий смысл.

Медленно выпрямившись, Бай Цзиньжун произнесла:

— Я помогу тебе сбежать.

Е Чжицю и Тао Жань испуганно отшатнулись и уставились на нее с недоверием и страхом:

— Ты же полоумная девчонка, как ты можешь помочь?

— Неважно. Просто делай, как я скажу.

Тот неожиданный холодный блеск, что на мгновение мелькнул в глазах Бай Цзиньжуна, заставил обеих замереть. Е Чжицю недоверчиво спросила:

— Зачем тебе помогать мне?

Помолчав, Бай Цзиньжун ответила:

— Хоть я и служанка главы, но не хочу, чтобы она и дальше катилась по наклонной, совершая злодеяния.

Е Чжицю и Тао Жань переглянулись с явным скепсисом:

— Ты врешь. Наверняка хочешь выслужиться перед Линь Дунцин и получить награду.

— Не стану я слушать тебя, уходи! — Е Чжицю знала, что Бай Цзиньжун — доверенное лицо Линь Дунцин, и никак не могла взять в толк, с чего бы той ей помогать.

Кашлянув, Бай Цзиньжун тут же залилась слезами и обиженно протянула:

— Глава... она... она овладела моим телом, а как только ее глаза затуманила эта госпожа, она вышвырнула меня, как старый башмак, и перестала замечать!

— Ах вон оно что, значит, пробралась в постель к госпоже, — на лице Тао Жань промелькнуло презрение, но подозрения в глазах Е Чжицю стали понемногу рассеиваться. — Неужели ты думаешь, что после моего ухода глава снова обратит на тебя внимание?

— Именно так, — сооротив влюбленно-глуповатую физиономию, кивнула Бай Цзиньжун.

Е Чжицю презрительно усмехнулась и покачала головой:

— Надо же, какие мерзкие, противоестественные нравы царят между женщинами.

Хотя раньше Бай Цзиньжун сама считала однополые связи противными всем моральным устоям, сейчас, услышав это презрительное замечание от Е Чжицю — учитывая, что сама она числилась среди участниц этой истории, — ей стало неприятно.

— Короче говоря, если хочешь уйти — делай, как я говорю, иначе так и останешься сидеть здесь до конца дней, — бросила напоследок Бай Цзиньжун и удалилась.

— А эта дурочка не так уж и глупа, — бормознула вслед ей Тао Жань.

Е Чжицю постучала пальцем по столу:

— Так или иначе, стоит попытаться.

На следующий день сияющая Линь Дунцин распахнула дверь в комнату Е Чжицю:

— Сестрица Чжицю, ты наконец-то решила меня принять!

Е Чжицю прикусила губу и выдавила из себя слабую улыбку:

— Сейчас как раз сезон, когда в Озере Юэлин ловятся самые вкусные желтощеки. Раньше Цзяньхэн всегда сам ходил туда с удочкой ради меня.

— Хорошо, я прямо сейчас пойду и наловлю! — вскинулась Линь Дунцин, собираясь уходить.

— Куда ты спешишь? — холодно бросила Е Чжицю. — Самая вкусная рыба — та, что поймана ночью. Сходи попозже. Придется простоять всю ночь напролет, захвати с собой грелку, на улице холодно.

— Ты переживаешь за меня? — на лице Линь Дунцин расцвела улыбка. — Мне не холодно, лишь бы ты была довольна.

Е Чжицю молча посмотрела на нее и снова отвернулась к окну.

Едва стемнело, Линь Дунцин поспешно отправилась в путь. Дорога до Озера Юэлин в один конец занимала два часа, причем на каком-то участке тропа была настолько крутой и изломанной, что лошадь не проходила — приходилось преодолевать путь на собственных двоих.

Впрочем, она была охвачена воодушевлением: это ведь первое пожелание Е Чжицю, и раз Линь Цзяньхэн мог это сделать, то она справится ничуть не хуже.

Стоило Линь Дунцин скрыться за воротами, как в комнату вошла Бай Цзиньжун. Она велела Е Чжицю переодеться в платье служанки, посадила ее в экипаж и среди ночи умчалась с ней с горы.

Имея при себе личную бирку Линь Дунцин и статус ее доверенной служанки, они миновали все посты без единой заминки.

Выбравшись за пределы Виллы Пересекающихся Мечей, Бай Цзиньжун спрыгнула с повозки и сунула узлы с вещами и корзину с едой в руки Е Чжицю и Тао Жань:

— Я сказала вознице лишь то, что госпожа из сострадания к хозяйке велела отправить служанку передать весточку в дом Е.

— Пока по дороге вы не будете привлекать к себе внимания, никто ничего не заподозрит. А когда доберетесь до дома Е, Линь Дунцин уже не посмеет заявиться туда и силой забирать людей.

Е Чжицю кивнула:

— А ты собираешься возвращаться? Не боишься гнева Линь Дунцин?

Бай Цзиньжун скривила губы в усмешке:

— Если вы не проговоритесь, я скажу, что крепко спала и ничего не знала.

— Она... плохой человек, — с ноткой жалости бросила Е Чжицю, после чего повернулась к кучеру: — Трогай.

Третья жизнь

Проводив взглядом растворившуюся в темноте повозку, Бай Цзиньжун наконец позволила себе расслабиться. Хотя она и представляла, в какое бешенство придет Линь Дунцин, обнаружив

пропажу, исчезновение Е Чжицю вполне могло послужить ключом к разрушению этой навязчивой страсти.

<http://bllate.org/book/21201/2145995>